

В номере:

- События и встречи*
- 4 Место встречи – МГУ!
- 5 Предсъездовское: от редакции
- Интервью у классной доски*
- Борис Тарасов 6 «Гуманитарное образование выстраивает в человеке иерархию смыслов»
- Иду на урок*
- Ольга Маевская 11 Урок-спектакль по комедии Н.В. Гоголя «Ревизор»
- Светлана Хомичева 13 Родительские наставления литературным героям
- Мстислав Шутан 14 Провинциал в Париже
- Татьяна Рыжкова 18 К «Мёртвым душам» через «мёртвые» тексты
- Наталья Ванюшева 20 Мотив переодевания у Гоголя и Аксёнова
- Штудии*
- Евгений Василенко 23 Гоголь. Продолжение следует
- Александр Лифшиц 28 Два наблюдения над текстом «Ревизора»
- Николай Капустин 31 Почему Чичиков не узнал писавшую к нему незнакомку
- Дмитрий Мурин 34 Два оборотня: Хлестаков и Чичиков
- Вадим Пугач 38 Н.В. Гоголь и птица-тройка
- Литература и театр*
- Ольга Суслова 40 «Мёртвые души» и гоголь-моголь в двух действиях
- ЛитМотив*
- Наталья Борисенко 44 «Человек играющий» в литературе
- Товаримся к экзаменам*
- Татьяна Ерёмкина 50 Сказка Е.Замятина «Арапы» на уроке подготовки к ЕГЭ
- Сергей Волков 52 Гоголь на экзамене
- Кругозор*
- Александра Кнебекайзе 56 В.Папанек. Дизайн для реального мира
- Наука побеждает*
- Тина Георгиевская 58 Экология голоса
- Интернет-кладовка*
- Александра Кнебекайзе 60 Изучение иностранных языков
- Книжная полка*
- Сергей Дмитренко 61 В.Ерофеев. Москва–Петушки

Существуют разные варианты изготовления гоголя-моголя. Общим компонентом во всех вариантах – желтки, сбитые с сахаром. К ним могут добавляться коньяк, ром или вино, молоко, фруктовые соки или свежие ягоды, взбитые белки, мёд, ванилин, мускатный орех и другие пряности. Гоголь-моголь помогает при простуде и потере голоса.

Дополнения к материалам, отмеченным этим значком, смотрите на CD-диске.

Литература

Учебно-методический журнал для учителей словесности
Издание основано в 1992 г.
Выходит один раз в месяц

РЕДАКЦИЯ:
Главный редактор
Сергей Волков
Шеф-редактор
к.ф.н. Сергей Дмитренко
Редактор
Александра Кнебекайзе
Дизайн макета
Иван Лукьянов
Обложка
Анна Махотина
Верстка
Галина Струкова
Корректор
Николай Кортон
Набор
Татьяна Семёнова

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
д.ф.н. Е.И. Анненкова (СПб; РГПУ);
д.ф.н. В.А. Кошелев (НовгородГУ);
д.ф.н. О.А. Лекманов (МГУ);
д.ф.н. Ю.В. Манн (РГГУ);
д.ф.н. И.Н. Сухих (СПбГУ);
д.ф.н. И.В. Фоменко (ТГУ).

Журнал распространяется по подписке.
Цена свободная. Тираж 23946 экз.
Тел. редакции: **(499) 249-2718**
Тел./факс: **(499) 249-3138**
E-mail: **lit@1september.ru;**
lit1@1september.ru
Сайт: **lit.1september.ru**

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ:
По каталогу Роспечать:
бумажная версия **32029**
электронная подписка **26112**
По каталогу Почта России:
бумажная версия **79072**
электронная подписка **12708**

Иллюстрации –
фотобанк Shutterstock
(если не указан иной источник)

В оформлении обложки
использована ксилография
Н.Алексеева «Мёртвые души»

Александр ЛИФШИЦ,
доцент НИУ – ВШЭ,
Москва

Два наблюдения над текстом «Ревизора»

Комедия Н.В. Гоголя «Ревизор», кажется, известна нам как свои пять пальцев. Тем удивительнее становятся новые наблюдения над текстом пьесы, которые касаются, на первый взгляд, частных, но в результате дают нам пищу и для более глубоких размышлений и обобщений. И главное – приучают внимательнее читать...

1. О чём говорит фамилия Ивана Александровича Хлестакова?

Говорящие имена и фамилии – традиционный и как будто сам собою понимающийся элемент классицистической комедии, данный зрителю как подсказка, раскрывающий амплу и характеры персонажей: Жеронт – обязательно старик, а Гарпагон – непременно скряга.

В русских комедиях имена персонажей также не оставляют сомнений в том, что Милон – герой-любовник, персонаж комедии В.В. Капниста «Ябеда» Прямик – прямодушен. От Кривосудова из той же пьесы ожидать справедливости стоит не больше, чем от Скотинина – соблюдения правил приличия. Совершенно ясно, чего можно ждать от Вральмана, а чего – от Правдина.

Следующая литературная эпоха нередко предпочитает предлагать читателю и зрителю более затейливые ребусы. Фамусов с Репетиловым и Чацкий в этом смысле заметно отличаются от Стародума. Эти имена не столь прозрачны, их смысл может быть понят или при помощи средств чужого языка, или же требует от читателя/зрителя некоторых умственных усилий. Но и при этом уверенности в однозначном понимании содержащейся в фамилии информации может и не быть.

Чацкий произносит свои речи в *чаду*? Или, быть может, его фамилия содержит намёк на Петра Яковлевича *Чаадаева*, как это услышал, находясь в Одессе, Пушкин? В начале декабря 1823 года Александр Сергеевич в письме князю Петру Андреевичу Вяземскому интересуется: «Что такое Грибоедов? Мне сказывали, что он написал комедию на Чаадаева...».

Иными словами, фамилии из знака нередко обрастают в символ, работать начинают всевозмож-

ные коннотации и ассоциации, в том числе акустические.

Особый случай – такие фамилии как *Скалозуб*. Языковое чутьё современного читателя может оказаться недостаточным, чтобы с лёгкостью опознать в жизнерадостном полковнике рядового *зубоскала*. Следовательно, стоит проверить, всегда ли мы понимаем авторский замысел или его постижению должна предшествовать исследовательская работа.

Одна из лучших русских комедий – «Ревизор» Н.В. Гоголя – даёт немало поводов задуматься об именах её героев. Например, что за фамилию носит городничий? А другие герои этого драматического произведения? Наконец, сам принятый за ревизора Иван Александрович – что означает его фамилия?

Несмотря на то, что о фамилии Хлестакова сказано много, одна важная мотивация, лежащая в основе наречения персонажа, как кажется, была упущена исследователями.

Близкая знакомая писателя А.О. Смирнова-Россет в 1877 году записывает воспоминания о своём разговоре с Гоголем, состоявшемся в Париже зимой 1837 года, то есть менее чем через год после постановки «Ревизора» на петербургской сцене. Не откажем себе в удовольствии привести этот занятный анекдот почти полностью, выделив курсивом важное, с нашей точки зрения, место:

«Раз говорили о разных комфортах в путешествии, и он сказал мне, что на этот счёт всего хуже в Португалии, и ещё хуже в Испании, и советовал мне туда не соваться с моими привычками. “Вы как это знаете, Николай Васильевич?” – спросила я его. “Да я там был, пробрался из Испании, где также очень гадко в трактирах. Все едят с прогорклым прованским маслом. Раз слуга подал мне котлетку, совсем холодную. Я попросил его подогреть её. Он преспокойно пощупал рукой и сказал, что она должна быть так.

Чтобы не спорить, я спросил шоколаду, который оказался очень хорошим, и ушёл”. – “Неправда, Николай Васильевич, вы там не были, там все дерутся... все в смуте, и все, которые оттуда приезжают, много рассказывают, а вы ровно ничего”. На всё это он очень хладнокровно отвечал: “Вы привыкли, чтобы вам все рассказывали и занимали публику, *чтобы с первого раза человек всё выложил, что знает, что пережил, даже то, что у него на душе*”».

Эти воспоминания неоднократно переиздавались, выдержки из них нетрудно найти и в Интернете.

Для нас не так важно, бывал ли Гоголь в Испании и Португалии, или его описание нравов Пиренейского полуострова оказывается анекдотом вполне в духе поэтического вранья Ивана Александровича Хлестакова. Интересна в этом рассказе декларация гоголевского нежелания делать себя, свои чувства, мысли и воспоминания непременно и как будто естественным достоянием публики – черта личности писателя, которую так часто отмечали знавшие его современники.

Ещё замечательнее, что двадцатью годами ранее, чем Александра Осиповна Смирнова-Россет доверила бумаге свои воспоминания о встречах и разговорах с Гоголем, в 1856 году, тот же рассказ публикует один из первых биографов писателя Пантелеймон Александрович Кулиш в изданных им в двух томах и не утративших своего значения до сих пор «Записках о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем».

Рассказ он, разумеется, записывает со слов той же А.О. Смирновой-Россет и ссылается на то, что он получил «разрешение представить здесь с её слов некоторые её воспоминания о Гоголе». Но, пересказывая слова мемуаристки, Кулиш воспроизводит финальную реплику писателя несколько по-другому:

«На что ж всё рассказывать и занимать собою публику? Вы привыкли, что человек с первого раза всё выхлестал, что знает, даже и то, что у него на душе» (т. 1, с. 208).

Помимо куда менее сглаженного и менее нейтрального синтаксиса в тексте, записанном и опубликованном П.А. Кулишом, обращает на себя внимание экспрессивный глагол *выхлестать*, которому в записках Смирновой-Россет соответствует как будто синонимичный, но заметно уступающий в выразительности глагол *выложить*.

Полагаем несомненным, что нацеленный на как можно более точную фиксацию всего, что связано было с личностью писателя, Пантелеймон Кулиш не стал бы приукрашивать речь Гоголя ярким словом, а значит, мог услышать его только от Смирновой-Россет. Александра Осиповна, в свою очередь, едва ли может быть заподозрена в подобной речевой экспрессии (собственно, её записки как раз подтверждают приверженность мемуаристки к литератур-

ной пристойности). А значит, в записи П.А. Кулиша мы читаем, по всей видимости, то самое слово, которое было произнесено Гоголем.

Глагол *выхлестать* в значении, употреблённом Гоголем, произведен от глагола *хлестать* в значении «бежать с великим стремлением», которое засвидетельствовано, например, в шестом томе «Словаря Академии Российской» (1794). Писатель употребляет его для описания потока рвущихся наружу слов, которые человек не может или не желает удержать в себе. Именно глагол *выхлестать*, таким образом, является гоголевским словом для обозначения публичного и неудержимого речевого изъяснения всего того, чем полон человек, *что он знает и даже того, что у него на душе*.

Очевидно, это весьма подходящая мотивировка для фамилии Хлестакова. Ведь этот чрезвычайно легкомысленный персонаж комедии болтает, что только взбрёт ему на его скромный ум. И из не обременённого излишним умом коллежского регистратора Хлестакова *хлещет* всё, особенно же как раз то, что у него на его душе.

Таким образом, в тексте дважды записанных воспоминаний Смирновой-Россет мы видим, как Гоголь старается представить себя полной противоположностью Ивану Александровичу.

▲ Неизвестный художник.
Портрет Н.В. Гоголя, 1830

2. Куда делся купец Абдулин?

Продолжая наши наблюдения над текстом комедии Гоголя, обратим своё внимание к населяющему город купечеству. Купцы время от времени появляются на сцене группой безымянных товарищей. У них нет имён, их никак не зовут. Если купец нужен, то ему приказывают, к нему посылают, но не зовут. Так для чего ж ему имя?

Единственный в комедии представитель этой важной части обитателей города, который хоть как-то выделяется среди других купцов, – купец Абдулин, получивший от автора если не имя, то хотя бы фамилию. Вместо имени постоянным эпитетом при фамилии оказывается обозначение рода его деятельности: «*купчишка Абдулин*» (действие I, явление 4), «*купец Абдулин*» (действие II, явление 2) и далее.

Фамилия купца указывает как будто на его татарское (тюркское) происхождение, что кажется вполне естественным, поскольку многие представители татарской диаспоры активно занимались торговлей в городах и городках России. Это вроде бы подкрепляется словами жалобы одного из купцов на городничего: «...*Схватит за бороду, говорит: "Ах ты, татарин!"*» (действие IV, явление 10).

Однако это говорит именно что *один из купцов*. Самое замечательное, что нам не удастся найти в комедии реплик купца Абдулина! От имени купечества всегда говорит кто-то без имени, или же все купцы сразу перечисляют чинимые им обиды.

Но ведь в списке действующих лиц купец Абдулин существует! Он упоминается неоднократно в тексте пьесы! Но кто из находящегося на сцене купечества Абдулин – совершенно не ясно. Таковым может быть сочтён любой.

Но, собственно, что мы знаем про Абдулина, кроме того, что он купец?

Абдулин – купец, лишённый индивидуальности и имени, как важнейшего атрибута этой индивидуальности (не станем в краткой заметке распространяться о том, насколько для Гоголя важно было имя как знак принадлежности к христианскому миру).

Иными словами, Абдулиным может оказаться любой из выходящих на сцену купцов. То есть Абдулин – вообще-то любой купец городка. А значит, фамилия купца – буквально должна восприниматься, как родовое имя, обозначение *фамилии* – целого семейства.

Что же за семейственное имя носит купечество?

Мы точно не ошибемся, если скажем, что оно созвучно экспрессивному глаголу *обдуть* (ср.: надуть) со значением «обмануть, обыграть». Городничий весьма живо характеризует купечество и его стремление к несправедливой наживе, не забывая использовать и однокоренные глаголу *обдуть* слова (выделю их полужирным шрифтом):

«...*Что, голубчики, как поживаете? как товар идёт ваш? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Аршинлуты, протобестиш, надувалымирские! жаловаться? <...> обманываете народ... Сделаешь подряд с казною, на сто тысяч надуешь её, поставивши гнилого сукна, да потом пожертвуеть двадцать аршин, да и давай тебе ещё награду за это? Да если б знали, так бы тебе... И брюхо суёт вперёд: он купец, его не тронь <...> начинаешь плутнями, тебя хозяин бьёт за то, что не умеешь обманывать. Ещё мальчишка, "Отче наша" не знаешь, а уж обмериваешь; а как разопрёт тебе брюхо да набьёт себе карман, так и заважничал! Фу ты, какая невидаль! Оттого, что ты шестнадцать самоваров выдуешь в день, так оттого и важничает? Да я плевать на твою голову и на твою важность!» (см.: действие V, явление 2).*

Если мы вдруг и сомневались в моральных качествах городского купечества, то Гоголь устами Антона Антоновича Сквозника-Дмухановского заботливо напоминает нам, с кем сталкивается покупатель в этом городке.

Сделанное наблюдение лишнее раз убеждает нас в том, что в уездном городе, в который авторский произвол забросил Хлестакова, хороши все. А обыкновенный ад пространства гоголевской пьесы получает дополнительные подтверждения своего существования.

▲ А.Костин. Иллюстрация к «Мёртвым душам»